

Кузнецов
(интервью)

Юрий

14.09.04.

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ:

Актёром меня сделала провинция

Юрия Кузнецова, знаменитого "мента" Мухомора, знают у нас все от мала до велика. Но Мухомор — это все-таки не диагноз и тем более не судьба. КУЗНЕЦОВ — блистательный артист и чрезвычайно самобытный человек.

— Юрий Александрович, вы человек нестоличный, учились во Владивостоке, дебютировали в Хабаровске, немало поработали в Омске, только потом приехали в Петербург...

— Да, я человек провинциальный. Актёром меня сделала провинция, а столица потом все только отнимала. Конечно, провинциальный театр — жестокая вещь, утром — сказка, вечером — "Власть тьмы". Зато там у меня было несколько десятков замечательных педагогов — коллег-артистов, у которых учился. Артист — это штампы, а штамп — это, между прочим, и есть профессия, у кого их больше, тот и артист лучше. Я старательно учился, много смотрел из-за кулис. Человек я упрямый, сибирский, из Абакана, но моя учеба была не школярством, я набирал интуитивно, как бы мимоходом.

— Когда вы переехали из Омска в Петербург, вам многое пришлось менять в себе?

— Ничего. К счастью, ничего. Я не той породы, чтобы в себе что-то менять. В первом своем спектакле в Театре комедии, а это были "Бешеные деньги", играл Василькова, тоже человека из провинции, попавшего в непривычное для себя общество, так я потихоньку-потихоньку... Но, знаете, работа — интимный процесс, можно говорить: ах, как это было, но это все равно настолько интимно, и всегда — по чуть-чуть, по чуть-чуть... Мой любимый артист Игорь Дмитриев часто повторяет: роль надо проорать, но он же не о голосе, естественно, говорит, а о психологической отдаче. Вот это в себе надо ощутить, почувствовать, с чего начинать.

— Теперь понятно, почему вы на сто процентов подошли Алексею Герману, когда он при-

Ю. Кузнецов

гласил вас в картину "Мой друг Иван Лапшин".

— Я всегда говорил и буду повторять, что все началось с Виктора Федоровича Аристов, который сначала приехал в Новосибирск, там нашел Андрея Болтнева, а меня увидел в Омске на фотографии в фойе, поскольку в театре был выходной день, понедельник. Но Виктор Федорович сразу пошел ко мне домой, мы долго разговаривали, то есть он молчал, а говорил только я. Потом меня вызвали на пробы "Лапшина", и Аристов со мной репетировал, репетировал!

Вы представляете, что это такое —

Андрей Болтнев был идеальным Лапшиным.

— После картины Дмитрия Месхиева "Дневник кавказца" подумалось: как бы хотелось увидеть артиста Кузнецова в Достоевском...

— Я думаю, что теперь... Все же измеряется высотой планки, которую надо взять. Нет, примитивно я говорю... Но все равно берешь жуткую психологическую высоту. Не скажу, что для меня "Кавказец" стал огромным актерским испытанием, но тут был свой интерес, прыгнуть в такое было очень заманчиво, и я был готов к этому психологически, морально. И разве "Идиот" или "Преступление и наказание" о чем-то другом? Да, тут детектив, но где не детектив? И что такое сыграть Достоевского или вообще судьбу в том же детективе? Это же отклонение сыграть от психологически привычного, известного.

Одной из моих первых картин было "Колье Шарлотты" у Евгения Тарского. Я только начинал. Через день мотался из Омска в Ленинград, а играл рецидивиста, убийцу. Все в группе говорили, что получилось убедительно. Но "Колье" кончилось, и — все, пообщались с рецидивистом, нет тебя больше.

Потом пришло "Противостояние", где играл майора Жукова. Дело не в типе, а в характере. Не зря же Василий Макарович Шукшин написал книжечку свою "Характеры". И моя профессия — это про характеры. Вот вы меня извините, но я иногда с сеансов ухожу. Такое чувство, что молодые режиссеры балуются с кино, эти бы деньги на хорошие картины, а они их тратят на какую-то пустячку. Единственное, о чем сказал мне перед первой встречей с Германом: "Юра, сделай серьезное лицо. Сделай серьезное лицо..." Потом худсовет утвердил меня на роль Лапшина, но Герман уверял, что у Кузнецова какие-то странные глаза, не то что бы смотрят в разные стороны, но говорят не о том, о чем Кузнецов на самом деле думает. Теперь об этом поздно, Андрея Болтнева и Андриуши Миронова нет, но я никогда не испытывал ревности по поводу этой роли.

— Когда новую роль получаете, она для вас кроссворд?

— Я ролей уже 80 сыграл и теперь понимаю, что не каждая — кроссворд. Предполагаю, что тут, наверное, так надо, а здесь — примерно так. С ролями есть три сумасшедших совершенно периода. Когда едешь или летишь на съемку — это первый. Второй — когда собственно снима-

ешься. И третий, который после съемки. И вот тогда-то, возвращаясь, думаешь: что же ты сделал, надо было вот так сделать и вот так. И так происходит постоянно. Едешь со съемок и опять половину дороги про роль думаешь. И это же не про то, как фразу какую-то сказать, как выразить, сыграть, ах, потоньше или ах, потолще. Дело в персонаже, который, по моему ощущению, должен быть таким или другим. Тут для меня главный вопрос, этим все заканчивается, этим мучаюсь.

— Вы играете сейчас в театре?

— Нет, ушел, и не скучаю. Я работал в театре 37 лет, с горшка, что называется. Не буду говорить ни о ком и ни о чем, но в этом, нынешнем, театре мне пока работать не хочется. Решение принял осознанно, не хочу сильно кокетничать, но понимаю, что я актер не по положению, а по состоянию. И мне кажется, что теперь мною заслужено право соглашаться и отказываться, выбирать. Было время, когда в театре мне всегда приходилось выручать по бедности. Чего там думать, говорили, это Кузнецов сделает. Теперь этого не хочу.

— В жизни мимо вас ходят люди, которые вас знают, которым артист Кузнецов нравится, знакомые с вами здороваются, словно со своими. Вы перед ними, как актер, чувствуете ответственность?

— Вчера ко мне подошел человек и представился: 30 лет служил в органах. Как я должен к этому относиться? В ноги, конечно, не упал, но руку пожал, потому что 30 лет в органах, при том, что ничего так и не зарабатывал, кроме уважения к себе, это очень много. А он продолжает: если бы у нас был такой начальник, как Мухомор, мы бы беды не знали.

— Мухомора, растиражированного "ментовским" сериалом, знают все, а тот же "Дневник кавказца" видел значительно меньше людей? Не обидно?

— Не обидно. Это не мой жанр. Я вообще об этом никогда не думаю. Не моя работа, она у меня другая, что то преодолеть, перепрыгнуть. А нарциссизм...

— В первом балабановском

"Брате" вы сыграли бомжа, человека странного и немного не от мира сего. Вы этих людей понимаете?

— Мы готовились к первой съемке бомжовской сцены. В нашем уже промозглом Петербурге — осенний дождь со снегом, слякоть. Стояли у колонн "Ленфильма", на мне костюмчик, а рядом крутились человек пять из "групповки", статистов, случайных людей без слов, тех самых бомжей. И был среди них сухонький такой человек, испитой, с двухнедельной щетиной. Подходит, сигаретку просит. Да, пожалуйста. А погрузка для съемки все идет и идет, в 10 началась, когда кончится — неизвестно. Человечек опять за сигареткой подходит, опять подходит, а потом... Этого я вам не могу передать, как он меня ободряюще плечом подтолкнул и сказал: "И все-таки как бывшего артиста я тебя уважаю!" На другой день сидим в той беседке, где сцену снимают, оператор Сережа Астахов носится, что-то там ставит, и уже другой мужичок в штиблетах на босу ногу сидит рядом и спрашивает: "Ну что, деньги вчера получил?" Это за съемку, значит. "Получил", — говорю. "Все пропил?" — Нет, — говорю, — не все, что-то жене отдал. Он вздохнул: "А сейчас ничего нет?" — "Нет", — подтверждаю. И это был такой разговор, как будто его Толстой написал. И отношения были вроде: ну что, брат? И не было желания отделиться от них, уйти из их круга, думать, что я вот такой, а они другие.

— Есть режиссеры, у которых вы отказались сниматься?

— Я отказался сниматься у Питера Гринуэя. Пока говорили, общались, казалось дико интересно, сценария не было, но была идея, разумеется, он ее сформулировал, а уже по ходу я придумывал какие-то варианты. Но не сложилось, отказался. А бывает, что иду за одну копейку к молодым ребятам, у меня нет этой фанатерии, что называется, звездности. Потому что наигрался...

Беседу вел

Николай ХРУСТАЛЕВ

Фото Ларисы КАМЫШЕВОЙ